В деревенском суде / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
В деревенском суде / рассказ В ДЕРЕВЕНСКОМ СУДЕ

Зал мирового суда в Горжевиле полон крестьян; неподвижно сидя у стен, они ожидают начала заседания.
Среди них есть рослые и невысокие, краснощекие толстяки и худые, словно выточенные из ствола яблони. Они поставили корзины на пол и молчаливо, спокойно ждут, озабоченные своими делами. Они принесли с собой запах хлева и пота, прокисшего молока и навоза. Под белым потолком жужжат мухи. За открытой дверью слышно пение петухов.
Длинный стол, покрытый зеленым сукном, установлен на чем-то вроде помоста. Слева, у края стола, сидит и пишет старый, морщинистый человек. У правого края стола, вытянувшись на стуле по-военному и устремив глаза в потолок, — жандарм. На голой стене — большое деревянное распятие, где Христос, изогнувшийся в страдальческой позе, как бы вновь претерпевает свою извечную муку за этих дикарей, пропитанных вонью скотного двора.
Наконец появляется господин мировой судья. Пузатый и краснолицый, он входит торопливыми грузными шагами, отчего колышется его длинная черная судейская тога; усевшись, он кладет головной убор на стол и окидывает присутствие взглядом глубокого презрения.
Это провинциальный знаток литературы, окружной острослов, один из тех, кто переводит Горация, смакует стишки Вольтера, знает наизусть Вер-Вер и скабрезную лирику Парни.
Он произносит:
— Ну, господин Потель, давайте вызывать.
И, улыбаясь, бормочет:
— Quidquid tentabam dicere versus erat [1].
Письмоводитель, поднимая облысевшую голову, бубнит невнятным голосом:
— Госпожа Виктория Баскюль против Изидора Патюрона.

Выходит огромная женщина. Это провинциальная дама, сельская дама в шляпе, украшенной лентами, с узорчатой золотой цепочкой на животе, с кольцами на пальцах и серьгами в ушах, сверкающими, точно зажженные свечи.
Мировой судья бегло кланяется ей, как знакомой, во взгляде его сквозит усмешка; он говорит:
— Госпожа Баскюль, изложите вашу жалобу.
Противная сторона стоит у другого края стола. Ее представляют трое. Посредине молодой крестьянский парень лет двадцати пяти, толстощекий и красный, как мак. По правую руку от него — жена, совсем еще молоденькая, худенькая, щупленькая, похожая на кайенскую курочку: на ее маленькой и плоской головке, словно гребешок, сидит розовый чепчик. Глаза ее, круглые, удивленные и сердитые, смотрят вбок, как у домашней птицы. Слева от парня стоит его отец, сгорбленный старик, скрюченное тело которого исчезает под накрахмаленной блузой, точно под колоколом.
Г-жа Баскюль излагает свое дело:
— Господин мировой судья, пятнадцать лет назад я взяла на воспитание этого юношу. Я его воспитывала и любила, как мать, я делала для него все возможное, я сделала из него настоящего мужчину. Он обещал, поклялся никогда не покидать меня и даже дал мне такую бумагу; на этом условии я подарила ему маленькое именьице, мою землю в Бек-де-Мортен, которая стоит не меньше шести тысяч франков. Но тут эта дрянь, это ничтожество, эта сопливая девчонка…
Мировой судья. Выбирайте ваши выражения, госпожа Баскюль.
Г-жа Баскюль. Эта… эта… ну, вы понимаете, вскружила ему голову, сделала с ним что-то такое, уж не знаю, что… И вот этот дурак, этот болван женился на ней и собирается принести ей в приданое мое имение в Бек-де-Мортен… Ну, нет! ну, нет!.. У меня есть бумага, вот она… Раз так, пусть отдаст имение обратно. Мы составили дарственную запись у нотариуса на предмет земли, а кроме того, частное соглашение на предмет дружбы. Одно другого стоит. У каждого свои права, не так ли?
Она протягивает мировому судье развернутый лист гербовой бумаги.
Изидор Патюрон. Это неправда.

Мировой судья. Молчите. Вы будете говорить потом. (Читает.) «Я, нижеподписавшийся, Изидор Патюрон, настоящим обещаю моей благодетельнице, госпоже Баскюль, что не покину ее до конца своей жизни и буду преданно служить ей. Горжевиль, 5 августа 1883 года».

Мировой судья. Вместо подписи стоит крест. Вы, стало быть, неграмотный?

Изидор. Да, неграмотный.

Судья. Но крест-то вы поставили?

Изидор. Нет, не я.

Судья. А кто же его поставил?

Изидор. Она сама.

Судья. Вы можете присягнуть, что не ставили этого креста?

Изидор (скороговоркой). Клянусь батюшкой, матушкой, дедушкой, бабушкой и господом богом, который слышит меня, — не ставил. (Он поднимает руку и сплевывает в сторону, чтобы подкрепить свою клятву.)

Мировой судья (смеясь). В каких вы были отношениях с госпожой Баскюль, здесь присутствующей?

Изидор. Она со мной спала. (В публике смех.)

Судья. Умерьте ваши выражения. Вы хотите сказать, что ваши отношения не были такими целомудренными, как утверждает госпожа Баскюль?

Патюрон-отец (берет слово). Ему еще пятнадцати лет не было, господин судья, пятнадцати не было, когда она мне его своротила.

Судья. Вы хотите сказать: совратила?

Отец. Ну, уж не знаю, как там по-вашему. Ему еще пятнадцати лет не было. А она уже года четыре растила его, как для вертела, откармливала, точно цыпленка, да так, что он, с позволения сказать, прямо лопался от еды. А потом, как приспело время и ей показалось, что он готов, она его и разворотила.

Судья. Развратила… И вы позволили ей это сделать?

Отец. Она ли, другая ли, все равно когда-нибудь же надо!

Судья. Тогда на что же вы жалуетесь?

Отец. Ни на что. Я-то ни на что не жалуюсь, а вот он уже

больше не хочет, он от нее освободиться хочет. Я и прошу защиты у закона.
Г-жа Баскюль. Эти люди хотят оболгать меня, господин судья. Я сделала из него настоящего мужчину.
Судья. Еще бы.
Г-жа Баскюль. А он отказывается от меня, бросает меня, обворовывает меня.
Изидор. Это неправда, господин судья. Я еще лет пять, как хотел ее бросить, потому что она очень уж толстая стала, и мне это не по вкусу. Опротивела она мне, вот что. Я и сказал ей, что ухожу. Тогда она заревела в три ручья и пообещала мне свое имение в Бек-де-Мортен, чтобы только я остался с ней еще несколько лет, года четыре, пять, не больше. Ну, я сказал «Ладно!» Что бы вы стали делать на моем месте?
Вот я и пробыл у нее пять лет, день в день, час в час. Я с нею сквитался. Значит, каждый свое получил. Работа стоила того!
Жена Изидора (не говорившая до сих пор ни слова, пронзительно кричит). Вы гляньте на нее, господин судья, гляньте на эту копну и скажите-ка, стоила его работа того или не стоила?
Отец (убежденно качая головой, повторяет). Провалиться мне, понятно, работа того стоила! (Г-жа Баскюль опускается на скамейку и плачет.)
Мировой судья (отечески). Ничего не могу сделать для вас, сударыня, ничего не могу. Вы ему подарили вашу землю в Бек-де-Мортен, закрепив это неоспоримым актом. Она принадлежит ему, и только ему. Он, безусловно, был вправе поступить так, как поступил, и принести эту землю в приданое своей жене. А входить в вопросы… в такие щекотливые вопросы… не мое дело… Я могу рассматривать факты только с точки зрения закона. Ничем не могу вам помочь.
Патюрон-отец (горделиво). Значит, нам можно домой уходить?
Судья. Конечно. (Они уходят, крестьяне провожают их сочувственными взглядами, как людей, которые выиграли дело; г-жа Баскюль сидит на скамейке и рыдает.)
Судья (улыбаясь). Успокойтесь, сударыня. Да ну же, успокойтесь… и… если позволите дать вам совет, поищите другого… другого воспитанника…

Г-жа Баскюль (сквозь слезы). Я не найду… больше не найду.
Судья. Сожалею, что не могу вам никого указать. (Она бросает полный отчаяния взгляд на страдальческую фигуру Христа, изогнувшуюся на кресте, потом поднимается и уходит мелкими шажками, горестно всхлипывая и закрывая лицо платком.)
Судья (повернувшись к письмоводителю, насмешливо). Калипсо не могла утешиться, когда ее покинул Одиссей. (Затем продолжает важным тоном.) Вызывайте следующих.
Письмоводитель (бубнит). Селестен-Полит Лекашер, Проспер-Маглуар Дьеляфе.

* * *

[1] «Что ни начну говорить, все получается стих» (лат.).

Напечатано в «Жиль Блас» 25 ноября 1884 гола под псевдонимом Мофриньёз.
Стишки Вольтера — имеются в виду эпиграммы и фривольная лирика Вольтера.
«Вер-вер» — шутливая поэма французского поэта Луи Грессе (1709 — 1777), изданная в 1734 году.
Парни (1753 — 1814) — французский поэт, автор эротических стихотворений и антирелигиозных поэм.
Quidquid tentabam dicere versus erat — строка из Овидия: «Что ни начну говорить, все получается стих» (перевод В. Брюсова). Дело в том, что предыдущая реплика судьи неожиданно для него самого приобрела ямбический размер: «Ну, гОсподИн ПотЕль, давАйте вЫзывАть».
Калипсо — персонаж «Одиссеи», нимфа и владычица одного острова, на который попал Одиссей после кораблекрушения. Любовь Одиссея и Калипсо продолжалась семь лет, после чего он покинул свою безутешную возлюбленную.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994
Перевод Н. Костовской Hekaýalar